

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ

НАВСТРЕЧУ

ПОВЕСТЬ

1

Господи, с каждым из нас Ты говоришь на том языке, который он может понять, каждому ищешь тот путь, которым он может пройти. Мы же не слушаем Тебя, теряемся, и тогда Ты опять и опять обращаешься к нам, чтобы вести навстречу Себе...

Ночью перед отъездом в Москву я никак не мог заснуть.

Мне как будто мало было замкнутого пространства моей комнаты — я вставал с кровати, ходил от окна до двери и обратно, а потом торопливо выскользнул на улицу. Было по-летнему тепло и свежо. Днём прошёл сильный дождь, и потому город был залит водой, а ночные огни мерцали прямо из-под ног. Я шагал по знакомым до щемящей тоски переулкам, и мне казалось, каждый перекрёсток, каждый двор пропитан воспоминаниями. Изредка тяжело проезжали мимо машины, вздымая высокие буруны чёрной воды по обе стороны от себя.

По этим улицам, будучи ещё школьником, я часто бегал после уроков, чтобы потом будто случайно попасться на пути девушки, в которую был без памяти влюблён. В школе вокруг неё всегда толпились многочисленные подруги, а до дома она обычно шла одна. Я никогда не заговаривал с ней сам,

---

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич родился в 1985 году. До окончания школы жил в Башкирии. Учился в МФТИ. Окончил Литературный институт им. Горького (семинар М. Лобанова). Участник II Всероссийского некрасовского совещания молодых писателей (семинар А. Казинцева и С. Макаровой). Ведёт авторскую рубрику "Дневник читателя" на сайте "Росписатель". Победитель III Литературного форума "Золотой Витязь" в номинации "Дебют". Живёт в Москве.

я был на три года старше и никому никогда не признался бы, что мне нравится восьмиклассница, а особенно ей самой. Но она отчего-то чувствовала мою робость и, приблизившись, изо всех сил ударила меня по плечу. А я всякий раз удивлялся, как она смеет, но мог только сдержанно и неодобрительно качать головой в ответ или строго выговорить: “Осторожно, Саша...” А когда она скрывалась за поворотом, подолгу гулял по городу, думая о ней и предчувствуя что-то радостное и томительное. Как-то, найдя в учительской школьный журнал их класса, я узнал номер её домашнего телефона, но так и не решился позвонить...

А потом Саша попала в реанимацию. Ходили слухи, что она выпрыгнула из окна девятого этажа, но я не мог в это поверить. И теперь, через полтора года, я всё ещё помнил тёмные холодные коридоры этой больницы, по которым я блуждал, стучась, открывая какие-то двери, не находя никого. Вдоль стен стояли деревянные лавки, сильно пахло хлоркой. За стеной плакали, и оттого мне становилось страшно. Наконец, я оказался в просторной палате, которую заливали лучи зимнего солнца, отражавшиеся на белых стенах, на белом столе, белой простыне на кровати, закрывающей неподвижное тело. Сначала я даже не узнал Сашу. Переливалась радужными цветами трубочка капельницы над её головой, бегали озорные блики по прозрачной дыхательной маске. Я хотел было подойти к кровати, но не решился, и лишь немного наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть лицо, светлые волосы на подушке — такие длинные и густые, что их не смогли даже как следует собрать в пучок чужие руки врачей. Саша не видела и не слышала меня, и только в воображении мне показалось, что ритм сердца едва участился, когда я тихо позвал её по имени.

В тот момент чьи-то сильные пальцы схватили меня и поволокли прочь. Лишь в коридоре я разглядел перед собой женщину в белом халате с полными багровыми щеками, сердито говорившую мне о том, что это реанимация и сюда никому нельзя.

— Может, передать ей что-нибудь от тебя? — спросила она в конце неожиданно мягким голосом.

И тогда у меня всё смешалось — и страх за Сашу, и гора сочных красных яблок, которые я зачем-то хотел ей передать. “А как же она будет их есть?” — подумал я. И только несколько дней спустя я понял, что та медсестра имела в виду передать на словах: что Саша мне дорога, что я её люблю...

Отпевали Сашу в старой городской церкви. В детстве бабушка несколько раз водила меня сюда, и я помнил, как из-за тесноты люди постоянно задевали друг друга локтями, когда крестились. Теперь же меня удивило, что внутри было пусто и холодно. На похороны пришли одноклассники Саши и учителя. Всем раздали по свечке, а пожилая учительница математики каждому предлагала маленький клочок бумаги, чтобы не обжечься горячим воском. Гроб стоял поодаль, между крестом и купелью. Саша была одета в белоснежное платье, а вдоль тела лежали ярко-красные розы.

Долго стояли в темноте, но никто не подходил к нам, будто мы были здесь чужие. Я слышал надтреснутый старушечий голос, недовольно повторяющий, что самоубийц не отпевают, и другой, пронзительный и нервный, убеждающий, что это всё неправда и что девочка умерла в больнице. Но вот у входа началось движение, постепенно передаваемое всем. К вошедшему в притвор священнику зашепила худенькая женщина в больших очках и принялась отчаянно шептать что-то на ухо. Священник слушал, нахмурившись, и я видел, как отблески свечей едва колеблются в чёрной блестящей бороде. Рядом стояла суровая старушка из свечной лавки и глядела на всех исподлобья. Я понял, что решается что-то важное, но не мог понять, что именно. Все были напряжены, ожидая окончательного приговора.

Наконец, священник разобрал, что хотела сказать худенькая женщина, и резко взмахнул рукой, заставляя её молчать. “Всё знаю”, — выговорил он, ненадолго подошёл к родителям Саши и, не глядя ни на кого больше, скрылся в алтаре. Вскоре церковь наполнилась успокаивающим запахом ладана, а я, обессиленный, едва держался на ногах.

Я плохо запомнил сами похороны, и только отложилось в памяти, как мы медленно идём по извилистым улочкам мимо могил, а под ногами — замёрзшие следы грузовых машин. Несколько человек пытаются запеть, но их голоса постепенно хрипнут и замолкают. Ещё запомнил, как падает мой комок мёрзлой земли на крышку гроба и как та же худенькая женщина в очках начинает что-то долго говорить о Саше. Мне холодно, холод ледяной водой стоит в ботинках, трогает лицо и пальцы. Я закрываю глаза и вдруг ощущаю полное безразличие...

Вернувшись в свою комнату после похорон, я сел на кровать и долго ещё смотрел вокруг. На столе лежали школьные тетради, в шкафу висела одежда. Мне хотелось сейчас же вскочить, что-то ещё сделать, опять бежать в церковь или на кладбище, но ничего уже не надо было. Тогда я лёг, обхватив себя руками, и почувствовал, как тянутся секунды. В тот момент в комнату ко мне вошла бабушка и вдруг так сурово сказала: “Лежит и лежит, будто у него бабка родная умерла”. До сих пор осталась у меня обида на неё, закалённую жизнью до такой стальной твёрдости, через которую уже никакое чувство не может проникнуть внутрь.

Следующей ночью мне приснился сон, как я иду по мутным, заполненным дымом коридорам. Полная медсестра с багровыми щеками не пускает меня, что-то говорит, хватает за плечи, но я, наконец, прорываюсь в палату. И там, среди ровных рядов кроватей с неподвижными больными, сидит Саша, наклонив голову вперёд, и, накручивая распущенные волосы на пальцы, кричит громко, пронзительно, страшно. Я проснулся от сильной тоски и сначала не мог понять, где нахожусь. Машинально я поднялся с кровати, взял в руки трубку телефона и позвонил по Сашину номеру, а потом долго сидел на короточках перед телефоном, представляя, как в её пустой квартире раздаются одинокие звонки. Но когда услышал заспанный женский голос на том конце, испуганно бросил трубку. Я не мог поверить, что её родители по-прежнему живут у себя дома, что они не умерли от горя.

В нашей квартире на кухне в углу висела выцветшая икона в деревянной рамке, а под ней — большая полка, в которой пылились бабушкины старые церковные книги. Эта полка всегда была чем-то инородным среди других предметов, кажется, я даже никогда раньше не прикасался к ней. Но в ту ночь я достал оттуда потрёпанную книжицу с чёрным крестом на обложке, раскрыл её наобум и принялся читать. Мне казалось, что если сейчас изо всех сил начать молиться, то можно перенестись назад в то время, когда Саша ещё была жива, и всё исправить. Я отчаянно верил в чудодейственность древних слов, и мне вдруг показалось, что это произойдёт вот именно сейчас, нужно только как-то особенно произнести: “И ныне, и присно, и во веки веков...” — ещё и ещё раз... Но ничего не происходило. Тогда я опять лёг в кровать, но всё ещё настороженно вслушивался, не позвонит ли телефон. Я точно знал, что если это произойдёт, то на другом конце я услышу её голос.

На девятый день после Сашиной смерти мы с бабушкой ходили в церковь. Было по-обычному людно, будто ничего не случилось, будто никогда и не было здесь Сашиного гроба, а по-прежнему шла всё та же утомительная служба, что и всегда. Церковь показалась мне чужой. А когда подавали записку за усопших, я вдруг увидел в свечной лавке ту самую суровую старушку, которая спорила с кем-то из Сашиных родственников в день похорон. Не глядя на нас, она монотонно ударяла красным карандашом по каждому имени в записке, а потом недовольно произносила себе под нос: “Все крещёные, нет самоубийц?” Бабушка грубо ответила: “Нет”, — и в тот момент я был так благодарен ей за этот обычный суровый тон. Но в то же время неясная тревога защемила мне сердце. Я почувствовал какую-то странную отдалённость Саши от других умерших людей, которую всякий раз надо было с таким трудом преодолевать, а вместе с тем отчего-то и свою отдалённость от остальных живых.

Я почти перестал общаться с друзьями, на переменах сидел за партой один, не глядя на других и не слушая, о чём они говорят. Меня не интересовали прежние увлечения. Иногда по ночам я опять вставал перед иконой.

Но от этих молитв мне становилось только тоскливее. Я уже не верил в то, что Бог сделает для меня чудо, потому что был какой-то твёрдый закон, по которому что-то было можно, а что-то — нельзя. Но чем яснее я понимал это, тем настойчивее продолжал молиться с какой-то странной детской ожесточённостью. Мне будто хотелось победить этот злой закон, доказать, что я сильнее его... И теперь, через полтора года, в эту долгую бессонную ночь, когда я бродил по родным улицам, я думал, почему же всё это так сильно повлияло на меня. И может, если бы Саша просто исчезла из города, я бы забыл о ней через несколько месяцев, и ни больница, ни церковь, ни смертельно холодное кладбище не остались бы в моей душе кровоточащей раной...

Моё пробуждение случилось через три месяца после похорон на выпускной школьной линейке. Как всегда, я стоял поодаль от своих одноклассников и о чём-то думал. Поднимались вверх воздушные шары, пущенные в честь праздника, и один из них застрял в листве. Жмурясь от солнца, я смотрел на этот шар и вдруг так ясно почувствовал, что мне всего семнадцать лет, что впереди целая жизнь, и мысль об этом поразила меня. Весь день потом я ходил, как влюблённый, опьянённый этой неожиданной мыслью.

С того дня я как будто вынырнул из воды. Наступившее лето неожиданно стало для меня временем вдохновенной радости и жажды жить. По ночам я больше не стоял на коленях перед иконой, а всё больше лежал в кровати, мечтая о каком-то большом счастье, которое должно было ждать меня впереди. Часто мне казалось, что это счастье связано с окончанием школы, с какими-то новыми знакомствами и впечатлениями, ждавшими меня впереди. Но иногда смутное чувство грусти вдруг накатывало на меня, и тогда я с удивлением вспоминал свои недавние восторги.

Я поступил в институт в Москве и почти на год уехал из родного города. Учиться было тяжело, и я почти не помнил дневных часов, потому что проводил их на занятиях или задерживаясь в аудиториях после занятий, и лишь после закрытия института возвращался в общежитие. А если удавалось занять место в ночной читалке, то подолгу сидел в пахнувшей деревом маленькой комнате, где то здесь, то там моргали одинаковые тусклые лампочки на столах. Наконец, в ясном предрассветном воздухе раздавался гулкий перестук первой электрички, и надо было идти спать.

Я возвращался в комнату — соседи обычно уже лежали по кроватям. Я наливал себе некрепкого тёплого чая и сидел, почти не двигаясь, время от времени делая несколько глотков и так же осторожно опуская чашку обратно на стол. А потом отыскивал в своих вещах бабушкину книжицу с чёрным крестом на обложке, которую часто читал после смерти Саши. Но открывать её не хотелось, и тогда я просто стоял, поднося её к лицу, вдыхая запах старых страниц. И так странно было осознавать, что прошло столько времени и что воспоминание, раньше прожигавшее меня насквозь, теперь равномерным грузом лежит на моих плечах, придавая каждому движению души грустную значительность пережитого горя...

И может быть, всё забылось бы само собой, если бы буквально за неделю до отъезда на каникулы в родной город не произошло бы удивительное... В тот день я проснулся от того, что распахнулась входная дверь, а за платяным шкафом, отделяющим мою кровать от входа, раздались звуки шуршащей одежды и осторожное перешёптывание. Я знал, что сегодня должен был приехать кто-то из родственников Сени, моего соседа по комнате, но даже не помнил точно, кто именно. Вдруг из-за шкафа неуверенно шагнула девушка лет шестнадцати, и меня сразу же обожгли две яркие точки её глаз, так что я даже не сразу осознал, кого же они мне так пронзительно напоминают. Девушка остановилась прямо на том месте, где большой солнечный блик падал на стену, и, часто моргая, силилась распахнуть глаза. Я поднялся с кровати и сказал ей: “Привет”, — а она порывисто обернулась и, ещё даже не разглядев меня, сказала то же самое.

Позже я узнал, что Женя — сестра Сени, что она окончила школу и приехала подавать документы в университет. В тот день мы с ней и с Сеной пили чай, разговаривали, и мне нравилось украдкой наблюдать за Женей. Я угадал, что она находилась в особенном эмоциональном напряжении

и была так поглощена своими чувствами, что почти не замечала ничего вокруг. Наверное, общежитие, где мы жили, представлялось ей особенным миром, и ей жадно хотелось узнать этот мир. Она порывисто наклонялась к уху Сени и начинала что-то шептать, но тот отмахивался от неё и выразительно крутил пальцем у виска. Как раз в такой момент я возвращался из кухни с полным чайником. Вдруг я понял, что Женя просит показать ей институт. Не знаю, что на меня нашло тогда, но я с весёлой настойчивостью вручил Сене чайник и сказал ей: “Пойдём”. Женя торопливо вскочила с места.

Я почти не помнил, о чём мы говорили, скорее всего, я рассказывал о студенческой жизни, а ей хотелось слушать ещё и ещё. На улице шёл дождь, и в лицо нам настойчиво летели промокшие хлопья тополиного пуха, так что нас шатало из стороны в сторону, а нам было от этого только веселее.

Чтобы спрятаться от дождя, мы забежали в маленький магазин у платформы и встали перед витриной, выбирая, что бы купить. Женя откинула капюшон, и я удивился, как же всё-таки сильно она похожа на мою Сашу. Лицо её покраснелось ещё сильнее, а чёлка лезла в глаза, и она всякий раз небрежно смахивала её в сторону.

— Может, по мороженому? — предложила она, с дерзкой решительностью взглянув на меня.

А мне вдруг так сильно захотелось, чтобы она сейчас изо всех сил ударила меня по плечу, и я только растерянно кивнул. Мы вышли на улицу под дождь — от мороженого сводило зубы, но оба делали вид, что оно нам очень нравится...

А потом все эти последние месяцы, пока я был в родном городе, мы переписывались короткими телефонными сообщениями, а иногда я даже звонил ей на домашний. Кажется, сначала Женя ещё удивлялась этим моим звонкам, но вскоре привыкла и даже совсем перестала стесняться, и взахлёб рассказывала о том, сколько набрала баллов на экзаменах и как она рада, что смогла поступить учиться в Москве. А я слушал её голос и улыбался. И хотя она ни разу за это лето не сказала, как относится ко мне, не сказала даже, что рада моему звонку, но когда трубку брала её мама и громко объявляла моё имя, я слышал, как Женя торопливо выбегает откуда-то из глубины квартиры, и мне казалось, что эта торопливость значит гораздо больше каких бы то ни было признаний.

И теперь я шёл по родному городу, и мне было и тревожно, и радостно от мыслей о ней, и так отчаянно хотелось молиться от того, что жизнь моя не оборвалась, что чудо, которого я когда-то так ждал, произошло и что где-то живёт девушка, которая думает обо мне, а возможно, даже так же, как и я, ждёт нашей встречи. “Завтра, завтра я буду в Москве, а послезавтра утром, возможно, увижу её...” — шептал я про себя. Казалось, от этих моих слов, произнесённых в тёплый летний воздух, какая-то невидимая связь навсегда устанавливается между мной и Женей. А все школьные воспоминания становятся уже не просто отзвуком старого, но началом того неизвестного и важного, что надвигалось на меня.

Постепенно начало светать, но я всё ещё не ощущал ни усталости, ни сна. Яснее стали очертания домов, донеслись первые утренние звуки. Город зазвенел, сначала тихо, исподволь, будто едва задрожали троллейбусные провода. Но едва только я попал на свободное пространство, дунул ветер, нарастая, злясь, хлеща ветвями деревьев по натянутому воздуху. Загремел проходящий за гаражами поезд, напряжённо заработала неизвестно откуда взявшаяся здесь в это время газонокосилка, и каждый такой звук врывался внутрь меня. Я остановился и хотел было повернуть назад, но не мог объяснить себе, зачем же мне возвращаться, и так и стоял, разрываемый смутными порывами, задыхаясь от необходимости что-то сделать, как-то заглушить нарастающее чувство внутри, и лишь через минуту опять двинулся вперёд...

Я пришёл домой, когда уже окончательно рассвело, и осторожно проскользнул на кухню. Во всей квартире было тихо, и это зыбкое утреннее спокойствие так легко было разрушить одним неловким движением. Надо мной висела старая бабушкина икона, и выцветшее лицо на ней казалось незыб-

лемым, неизменным с самого моего детства, а может, даже с того времени, которое было задолго до моего рождения. Но я не боялся этой строгой древности, наоборот, мне хотелось как-то отблагодарить её. И тогда несерьёзно, как бы для пробы, я опустился на колени, как делал это в школьные годы. Было по-прежнему тихо, только где-то за стеной мерно капало из крана. Я недолго постоял так, ощущая неловкость, будто в этот момент кто-то обязательно должен был войти на кухню, а потом торопливо перекрестился и поднялся на ноги.

А вернувшись в комнату, я не стал включать там свет и лёг прямо на деревянный пол, ощущая спиной неровность досок. “Господи, дай ей жить... дай жить, — повторял я в темноту, а дремота постепенно сковывала мои губы. — Пусть мне будет тяжело, пусть я никогда не буду счастлив... только сделай так, чтобы она жила...”

И когда через несколько часов тронулся мой поезд, исчез за окном вокзал, замелькали деревья, и в вагон ворвался густой смолистый запах леса, отчего-то похожий на запах ладана в церкви, мне так ясно стало, что там, в Москве, ждёт меня что-то необыкновенное и важное, а всё прошлое было лишь подготовкой к нему...

2

Женя приезжала в Москву через день после меня. На вокзале её должен был встретить брат Сеня, но у него, кажется, как раз в тот день были какие-то дела, и я уговорил его, что поеду сам, а он легко согласился.

Было раннее утро. Прохладный воздух ходил сквозь меня мелкой дрожью. Я стоял на нужной платформе, вглядываясь вдаль, будто не веря, что отсюда на самом деле приедет поезд с Женей. Мне казалось, происходит что-то невероятное, что какой-то неведомой силой я выброшен на этот вокзал. Неужели же всё это правда, думал я, и мы сейчас увидимся, а потом будем встречаться каждый день, а ещё через несколько лет, может, будем даже жить вместе, и я чувствовал — это правильно, и в этом есть какое-то высшее предназначение. Но если так, перебивал я себя, то почему же я сейчас так волнуюсь. И если мы должны быть вместе и на это есть высшая воля, то разве что-то может помешать этой воле исполниться?... Повсюду прямо на асфальте, прислоняясь к вокзальным стенам, сидели полусонные люди, куда-то решительно шагала женщина-цыганка, а за ней спешила пёстрая толпа детей. И удивительно было, что у кого-то могут быть сейчас другие заботы, другая жизнь.

Наконец, лёгкая дымка затуманила фигурки столбов и пересекающиеся линии рельсов, а через секунду вдали показался состав с длинным хвостом, тянувшимся из-за поворота. Объявили, что вагон Жени будет последним, и тогда я торопливо двинулся по платформе, глядя в укрупняющиеся черты поезда. И вот загрохотало рядом, замелькали квадраты окон. Я шёл всё быстрее, а навстречу мне двигались люди, сначала по одному, потом рваными цепочками, постепенно уплотняясь, превращаясь в единый поток.

Женя стояла в самом конце платформы, маленькая, испуганная, в белой курточке. Она так напряжённо глядела по сторонам, что не заметила, как я подошёл. Я заранее придумал, что скажу ей, но теперь остановился, не решаясь нарушить неловкое оцепенение.

— Устала? — спросил я нежно, и собственный голос показался мне хриплым и глухим.

— Да, не могла заснуть в поезде... А Сеня не придёт?

— Нет, он не смог, дела... Но завтра вы обязательно встретитесь, — добавил я торопливо, видя, как сильно она расстроилась.

У Жени была пузатая спортивная сумка на колёсиках, я торопливо подхватил её за ручку, и мы двинулись по платформе. Я смотрел вперёд, чтобы не налететь на шагающих впереди, и только изредка поглядывал на Женю. Сумка громко стучала колёсами, попадая в трещины на асфальте, гудел поезд на соседнем пути. Откуда-то издали монотонно объявляли прибытие и отправление. И было странно, что всё так просто и буднично, словно мы обыч-

ные люди, одни из сотен приезжих и встречающих на этом вокзале, словно не происходило сейчас ничего необыкновенного.

Хорошо помню, как спускались по эскалатору в метро. Стояли на соседних ступеньках, но ещё как-то отдельно друг от друга. Женя наклонила голову, и я мог видеть только краешек её лица. Кажется, в метро было даже холоднее, чем на улице, потому что иногда она подносила ладонь к щеке и начинала сильно тереть её. А мне так радостно было, что её сумка в моих руках, и оттого мы уже будто бы не совсем чужие, и я даже не пытался о чём-нибудь заговорить.

Я рассмотрел Женино лицо, только когда мы уже оказались в вагоне. Женя была бледна, и её тонкие губы стали совсем белыми. Я не мог наглядеться на неё, а она ненадолго встречалась со мной взглядом, а потом отводила. Наверно, ей было неуютно, что я смотрю так пристально.

— Что, что? — спрашивала она, торопливо поправляя волосы, думая, что с ними что-то не так.

Мы вышли из метро и сразу же потерялись в сплетении улиц, жужжании машин, потоке людей. Я никак не мог понять, в какую сторону идти к Жениному общежитию, и потому мы двинулись наугад. По пути нам попалась шумная компания парней, у одного вокруг шеи был обмотан длинный оранжевый шарф, он что-то рассказывал, а остальные смеялись. И у меня вдруг сжалось сердце от неожиданной ревности, будто я уже знал, что Женя скоро будет среди них, такая же весёлая и беззаботная.

Общежитие мы увидели издали. Это было высотное здание в два крыла, разделённое переходом с тяжёлыми дверями посередине. Над переходом навис широкий козырёк, а с обеих сторон от дверей, будто лапы, поднимались две бетонные лестницы в несколько пролётов. Сквозь огромные стёкла было видно множество студентов, толпившихся в переходе, — это была очередь на заселение, которую нам предстояло отстоять. Но я переживал не об очереди. Мне почему-то казалось, что там, внутри, может, даже в этой толпе начинается закрытая от меня беспечная жизнь, и мне никогда не победить в борьбе с ней...

Так долго тянулся этот день — сначала нужно было дожидаться коменданта, потом кастеляншу, которая раздавала ключи и бельё. Я старался участвовать во всём, что нужно было сделать, как будто от того, как я сейчас во всём разберусь, какую комнату выберем, как Женя заселится, зависело всё наше будущее счастье.

Мы ещё стояли с ней в одной из этих очередей в коридорах общежития, когда Женя вдруг отошла к окну, словно увидев там что-то особенное. Я приблизился — за окном виднелись дома, а за ними — шпиль здания университета и небо, постепенно превращающееся из дымчато-белого в голубое, и чем выше поднимался взгляд, тем янее и чище была эта пронзительная голубизна.

— Я так счастлива, — проговорила Женя, не оборачиваясь ко мне. — Мама последнее время много рассказывала, как она жила в общежитии, когда была молодая, как они ходили на занятия, как весело было.

— Знаешь, я до сих пор не могу поверить в то, что буду учиться здесь, — продолжала она порывисто. — Иногда я просыпаюсь ночью, и мне кажется, что не хватило баллов и я не поступила, и что теперь всю жизнь проживу у себя в городе, и мне становится так грустно.

Мне показалось, что её мысли очень созвучны моим, и оттого я вдруг испугался, что скажу сейчас что-то не то, и ещё минуту стоял молча, но слова так и не приходили.

— Кажется, скоро наша очередь, — заметил, наконец, я, чтобы перевести тему разговора, и мы поторопились к дверям кастелянши...

А вечером, когда хлопоты были окончены, Женя вышла вместе со мной на улицу, чтобы проводить, и мы медленно зашагали по узкой дорожке, ведущей от общежития к оживлённому проспекту. Вдалеке мелькали машины, нервно мерцали яркие вывески магазинов, а из-за нагромождения домов на другой стороне поднималось огромное, как Колизей, здание торгового центра. И чем ближе мы подходили к проспекту, тем сильнее наваливался на нас

шум машин, так что почти невозможно было ничего больше услышать. “Ох, Лёшка, я так устала, эти длиннющие очереди, поселение... Я даже не представляла, что будет так тяжело”, — жалобно сказала Женя, и это неожиданное “Лёшка” зазвучало как-то слишком близко, а оттого так неестественно. Я рассеянно ответил что-то. А на прощание она неожиданно повернулась и порывисто прижалась щекой к моему плечу. А я стоял неподвижно, не зная, обнимать ли мне её в ответ или же сдержаться, чтобы не нарушить неожиданное счастье.

Теперь-то я понимаю, что это была просто благодарность за то, что я был рядом в этот тяжёлый для неё день, и наверняка понимал это и тогда, но всё равно не мог справиться с нахлынувшим чувством. Женя ушла, а я остался, удивлённо оглядываясь по сторонам. Рядом стояли люди, в луже отражался свет фонаря, наклонившегося прямо надо мной. Мне казалось, что время остановилось и с той пронзительной секунды, как она прижалась ко мне, до сих пор тянется одно только мгновение, которое я почему-то переживаю полнее и глубже, чем обычно.

Наконец, я сделал шаг, ощущая, как двинулась на меня сырая стена воздуха. И тогда наступило следующее мгновение, а за ним ещё и ещё, будто бы тронулся неведомый механизм. Дома раздвинулись, и я шёл вперёд, не замечая, что наступаю прямо в огромные лужи на асфальте. Счастье было таким явным, как вспышка, я ощущал его отсветы везде — на ветках, в машинах, в огромных зданиях этого чужого, но уже отчего-то красивого города.

Я спустился в метро, и грохот поездов оглушил меня.

3

С того дня началась моя новая жизнь. Первые недели этой удивительной осени меня ни на минуту не покидало ощущение бесконечного счастья. Мы встречались после Жениных занятий в университете, втискивались в наполненный людьми трамвай, замирали у дверей, а потом спрыгивали с подножки и изо всех сил неслись к её общежитию. И каждый раз я чувствовал, как воздух вокруг натягивается, рвётся, и как отовсюду захлёстывает меня что-то старое и родное, будто я вернулся на два года назад, и всё ещё бегая по своему городу в поисках Саши.

Я видел, как Женя постепенно привыкает ко мне, как я становлюсь важен для неё, но мы по-прежнему ни разу не заговорили о наших отношениях, а я никак не решался ни поцеловать её, ни приобнять. Мне всё казалось, что это должно случиться само собой, и гораздо важнее то, что нам хорошо вдвоём.

Женя постоянно переживала, что мы что-то не успеваем: готовиться к её занятиям, гулять, разговаривать, не успеваем вдохнуть нашу весёлую жизнь. Она могла вдруг повести меня в парк, на птичий рынок, на занятия танцами, а тем же вечером позвонить и в отчаянии сказать: “Какая же я глупая, у меня завтра контрольная, а я...” “Давай не будем больше ходить туда, хорошо?” — просила она потом, как будто это я уговаривал её ещё несколько часов назад. А я не понимал этой торопливости, этого желания вместить в себя всю вселенную, способности загораться до безудержной страсти. Но бывали моменты, когда Женя радовала меня до отчаянного восторга в душе. Как-то раз она рассказывала о своих новых подругах из университета и о том, что они ходят на дискотеки и в ночные клубы, а потом неожиданно заметила: “А мне всё это неинтересно, там нет воздуха, это всё ненастоящее”. И я удивлённо вздрогнул тогда — так важны были для меня эти слова, они звенели во мне целый день, отражаясь, усиливаясь многократно.

По вечерам мы сидели у Жени в общежитии и занимались то математикой, то экономикой, и я с лёгкостью объяснял ей любое задание, потому что всё это уже проходил год назад. За огромным окном прямо перед нами лежал весь город, а сади ходили туда-сюда Женины соседки по комнате и иногда хихикали, с интересом поглядывая на нас. Мне нравилось, что для них я Женин парень, и от многозначительных взглядов в мою сторону мне каждый раз становилось приятно и спокойно. Женя же как будто не замечала

их, и в перерывах между занятиями, не стесняясь соседок, мы беззаботно болтали обо всём подряд.

В те недели я постоянно не высыпался, но всё равно каждый раз задерживался у Жени и возвращался к себе на последней электричке. Смертельно клонило в сон, но я шёл от станции до общежития, машинально делая каждый шаг. Мне представлялось, что я должен всё перетерпеть ради Жени и что чем больше я страдаю сейчас, тем сильнее становится наша любовь. И даже вернувшись в общежитие, не сразу ложился спать, а уходил в укромное место под чёрной лестницей и молился или просто сидел, вспоминая сегодняшний день. А на следующее утро вскакивал с кровати от резкого звонка будильника и лихорадочно бежал умываться. Меня ждал долгий день: сонные лекции, торопливые занятия в читалке, электричка, метро, и опять на юг Москвы, навстречу своей отчаянной радости.

Но если бы у меня спросили тогда, какой была Женья на самом деле, что её интересовало, о чём она думала, я едва ли смог бы ответить на этот вопрос. Я не знал её, как не знал до этого и Сашу, да и в общем-то не хотел знать — я был так опьянён своей любовью, что не замечал ничего, кроме собственного чувства...

В конце сентября у нас в институте должен был проходить большой праздник в честь посвящения в первокурсники, и я пригласил на него Женью. Она приехала сразу после лекций, я встречал её с электрички. В студгородке повсюду развевались флаги, у стадиона высились огромная деревянная сцена, но студентов почти не было. Мы шагали по пустым дорожкам между корпусами, и оттого казалось, что праздник нарочно задерживает дыхание, прежде чем дунуть изо всех сил. По дороге к общежитию Женья почему-то сильно волновалась, а я пытался убедить её, что всё пройдёт хорошо.

Когда мы вошли в комнату, соседи мои сидели за столами, готовясь к предстоящим на следующей неделе зачётам, но, кажется, все трое были рады возможности отложить учёбу. Один из них, которого на курсе звали по имени-отчеству Святославом Александровичем за густую рыжую бороду и аскетический образ жизни, с удовольствием присел рядом с нами, а смуглый малоразговорчивый Гера поставил чайник и принялся делать бутерброды. Сеня насмешливо расспрашивал сестру об учёбе.

Женья некоторое время ещё была в своих мыслях и, кажется, чего-то смущалась, но потом вдруг вспыхнула, увлечённо заговорила о своём университете, о лекциях и тяжёлых заданиях, стала ругать Сеню, что он так редко к ней приезжает. А через минуту с весёлой беззаботностью подскочила к столу, чтобы помочь нарезать хлеб, а когда закончила, стала вытирать скатерть. Гера оглядывал её с едва заметной укоряющей улыбкой, как шалившего ребёнка, а Святослав Александрович оживился и принялся с увлечением спорить о том, какое образование лучше, наше или их. Я же мгновенно потерялся и стоял молча, удивлённый этой внезапной открытостью Жени и радостной смелостью, с которой она теперь вела себя в нашей комнате.

Тем временем за окном постепенно нарастали звуки музыки, криков и громкого смеха. Женья зашла за шкаф, чтобы переодеться, а потом вышла в ярко-красном платье с открытыми плечами. Я взглянул на неё и поразился этой неожиданной, но уже такой взрослой женской красоте.

Впятером мы вышли на улицу и сразу же попали в необыкновенный водоворот: то здесь, то там бегали разгорячённые праздником студенты, кричали, зажигали огни. Женья с наслаждением закрыла глаза и сказала, что всё это похоже на сказку.

Мы долго не могли пройти вперёд, потому что толпа студентов перекрыла улицу перед общежитием. Один из них держал огромный флаг института и, выйдя прямо на дорогу, отчаянно размахивал им, другие столпились вокруг, останавливая проезжавшие машины. Женья была опьянена происходящим, и, когда мы пробирались сквозь толпу, я несколько раз оборачивался и ловил блеск в её глазах.

Я терялся в этом шуме, в этом беспорядочном веселье, в этой всё усиливающейся музыке, прожигающей насквозь. Мне казалось, что все вокруг

смотрят только на Женю, на её огненное красное платье. А когда мы уже стояли прямо перед сценой, на которой проходил концерт, и кто-то из толпы случайно касался её, во мне вскипала горячая волна ожесточения. Один из незнакомых парней протянул в нашу сторону бутылку пива, так что я было подумал, что она предназначена Жене, и вырвал эту бутылку у него из рук. А он только удивился моему дикому взгляду и отшатнулся от нас.

Потом мы медленно шли в сторону общежития, и я торопливо вдыхал ночной воздух, радуясь, что мы наконец-то возвращаемся. Кажется, никто не заметил моего сильного волнения, все были спокойны и умиротворённо молчаливы. Гера весело поёживался от вечерней прохлады, Святослав Александрович широко улыбался. В отсветах фонарей я видел, как едва колыхаются Женины растрёпанные волосы.

— Знаете, раньше, когда я жила у нас в городе, мне казалось, что здесь, в Москве, какие-то особенные люди, — мечтательно заговорила Женья. — Сильные духом, такие, которые знают, чего они хотят. Но оказалось, их здесь почти нет, и теперь я понимаю, что таких людей вообще очень мало... А мне самой, наверно, не хватает этих качеств, и поэтому я всё время ищу их. Я хочу, чтобы рядом находились сильные люди, со стержнем...

Я слушал её, и мне было грустно, что она не говорит явно, что хочет, чтобы рядом с ней был я, и что на самом деле я слабый и подверженный эмоциям человек, то загорюсь, то погасну, и совсем не подхожу Жене. Я убеждал себя, что всё хорошо, что она идёт рядом со мной, а на ней — моя ветровка, которой я укрыл её плечи от холода, но всё равно ощущал себя будто закованным в тяжёлые цепи.

— А что такое этот стержень? — только и смог выговорить я глухим голосом.

— Не знаю, — пожала плечами Женья, — но всегда видно, когда он есть!

— Главное, чтобы сила была с умом, тогда и остальное приложится, — вмешался Святослав Александрович, а Женья приветливо кивнула ему, хотя он ничего и не понял из того, о чём она говорила.

Я видел, что Женья чувствует необыкновенное вдохновение, что эта обстановка — праздник, ещё гудевший где-то вдалеке, новые люди рядом — всё и волнует, и радует её одновременно. Я понимал её состояние, но мне было больно оттого, что эти её теперешние волнение и радость не связаны напрямую со мной. Я удивлялся её мыслям, их неожиданной глубине, но мне обидно было, что она высказывает их не мне одному, а ребятам — как бы перед ребятами хочет показаться умной и глубокой, хотя именно я и только я мог бы по-настоящему понять её.

— Мне так хорошо здесь у вас, я чувствую настоящую жизнь, — произносила она порывисто, но задумчиво, и мне становилось ещё тоскливее...

Вернулись мы за полночь, я дождался, пока Женья заснёт, а сам лёг на пол. Из окна доносились запоздалые звуки — то чей-то крик, то пьяная песня, а потом всё смолкало, и только у меня внутри отчаянно билось сердце, будто злополучный праздник всё ещё продолжался там. В темноте резал глаза свет от настольной лампы на столе Геры, который тоже отчего-то не спал. Вдруг я вспомнил слова Жени о стержне и неожиданно подумал, что у меня ведь есть моя вера и что, несмотря на всю мою мягкость и впечатлительность, я на самом деле гораздо сильнее всех этих людей за окном. Я вскочил, взволнованный этой мыслью, и увидел, что Гера поднял глаза от учебника и почему-то внимательно смотрит на меня.

— Всё хорошо, — твёрдо сказал я ему, а он чересчур торопливо кивнул.

4

С того вечера жизнь моя натянулась, так что теперь в стремительном потоке недель память почти не различает событий. Хорошо помню только день в конце января, когда мы первый раз пошли с Женей в церковь. С начала учебного года я всё хотел предложить ей это, но никак не находилось удобного момента. Потом ещё несколько раз мы откладывали из-за того, что Жене

нужно было готовиться к экзаменам в университете. И только после сессии, как раз накануне Жениного отъезда домой на зимние каникулы, собрались на утреннюю службу.

Я вышел в тот день из общежития, и было ещё темно. И каким же неподвижным показался мне вдруг зимний утренний воздух вокруг, как безмятежно лежали впереди железнодорожные рельсы, не ждущие электрички. Но отчего-то я не мог до конца успокоиться и поверить этой невозможной безмятежности.

Я вспоминал последние месяцы, и мне казалось, что мы так много потратили времени зря, постоянно ездили к нам в общежитие, проводили время с ребятами. Жене нравилось у нас, она говорила, что выходные с нами — это единственная капля радости для неё в душном мире Москвы. Но для меня всё это время было каким-то сумбурным и даже напрасным, я так и не рассказал ей главного — и про то, как со дня нашей первой встречи я думаю только о ней, и про то, как я благодарен Богу, что он дал мне её, и про Сашу, и про всю мою жизнь... Но теперь мне отчего-то казалось, что вот впереди у нас целый день перед её отъездом, и это целиком наш день, и мы столько можем сегодня успеть, о столько поговорить.

Храм находился рядом с Жениным общежитием. Это был старинный собор, огромной глыбой высившийся рядом с другими высотными зданиями. Мы опоздали, но я подумал, что это даже к лучшему, потому что Жене тяжело было бы простоять всю службу целиком. Внутри было темно и пахло сырой штукатуркой, а откуда-то из глубины надтреснутым голосом вычитывали псалмы. Мы вошли, и мне вдруг стало страшно.

Людей оказалось мало, мы стояли вдвоём прямо напротив того места, на которое выходил священник. Сначала я решил было поклониться к Жене и шёпотом объяснять что-то, но не знал, правильно ли это, и просто замер на одном месте, боясь пошевелиться. В напряжённом ожидании я предчувствовал каждое следующее движение службы, будто пытаюсь ускорить её мерное течение. Я хотел дотянуть до причастия, чтобы сказать Жене, что это самое главное действие, и что после него уже можно уходить, но минуты тянулись медленно.

Краем взгляда я видел, как Женья переступает с одной ноги на другую. В какой-то момент мне вдруг показалось, что она слишком сильно качнулась назад, и тогда я торопливо отступил, чтобы подхватить её, если бы она вдруг упала. Женья обернулась на моё движение, и я спросил: “Пойдём?” Она, кажется, обрадовалась и устало кивнула в ответ.

На улице пахло дымом, ветра не чувствовалось совсем. Всё вокруг испуганно замерло, как бывает перед внезапным, совершенно не ко времени, наступлением весны, и только осторожно падали на руки то ли тяжёлые снежинки, то ли капли дождя. Я боялся спросить Женью, что она чувствовала в церкви, но она сама вдруг произнесла тихо:

— Да, хорошо... Надо будет ещё раз сходить потом...

Я ничего не ответил, чтобы не нарушить это неуловимое хрупкое согласие, установившееся между нами. В этот момент она неожиданно раскашлялась и коротко улыбнулась:

— Болею немного.

— Пошли, тогда буду тебя лечить, — сказал я весело, кивая на высившееся рядом здание общежития.

Женья кивнула, но как-то неуверенно.

— Знаешь, у меня в комнате так грустно, — заговорила она после недолгого молчания, — и эти экзамены, так хочется отдохнуть после них... Давай, может, к тебе в общежитие? И Сеня ведь там, да?

Меня кольнула мгновенная досада оттого, что она не хочет быть вдвоём, даже в этот последний день перед отъездом на каникулы, а хочет к ребятам.

— Ты же болеешь? — переспросил я чужим голосом.

— Ну да, — взволнованно заговорила она. — Вот как раз у вас и полечусь, у меня всё равно поезд только вечером...

Кажется, она и сама понимала, что что-то не так и что она в чём-то виновата, и это ещё сильнее задело меня. Мы помолчали, будто переживая напряжённый момент.

— Поедем, — сказал я ожесточённо и решительно.

Наверно, этот день был похож на остальные, которые мы проводили у меня в общежитии, и только я отчего-то воспринимал всё острее. Сеня, Гера и Святослав Александрович сели за стол, чтобы пить чай с пирожными, которые мы принесли, а Женя принялась что-то оживлённо рассказывать им. Я же стоял у окна и напряжённо смотрел на маленькую льдинку, притаившуюся у нижней кромки стекла. Прямо на глазах она становилась всё меньше, кутаясь, уходя в себя, но не могла уже спастись и должна была растаять.

Я оглядывался назад и видел Женю совсем не такой, какой она бывала со мной по вечерам в её комнате. Там её весёлость казалась тихой и проникновенной, а здесь Женя всё время оказывалась в центре общего внимания, шутила и дурачилась, глаза её блестели. И я неотвратимо чувствовал, будто с каждой секундой этого странного веселья из меня уходит что-то важное.

Как раз в тот момент Женя игриво, как бы немного свысока, спрашивала у Геры и Святослава Александровича, почему у них до сих пор нет девушек. Гера хмурился и молчал, а Святослав Александрович принимался убеждённо доказывать, что он замкнутый и нелюдимый человек и что для него это естественно.

— Я уже давно проанализировал свой характер, просмотрел несколько статей, — горячился он. — У меня синдром Аспергера, из этого вытекают сложности в общении. Нужно применять специальные тренинги, и тогда ситуацию можно исправить...

— Да неправда, — возражал ему с усмешкой Сеня, всегда любивший провоцировать соседей, особенно при сестре, — с нами же у тебя не возникает сложностей в общении.

— Потому что вы существа того же пола, — эмоционально настаивал тот. — Не спорьте, я ведь изучал этот вопрос, просто психология мужчин и женщин различна, и вы ничего не понимаете!

— При чём тут синдром, когда есть настоящие чувства? — вдохновенно возражала ему Женя. — Неужели у тебя и правда такое логическое восприятие?

Святослав Александрович сердито пожимал плечами, потому что это якобы был неконструктивный вопрос, а Женя смеялась над этим так разительно, что через минуту он и сам уже начинал невольно улыбаться над собой.

Я же всё стоял у окна и не мог понять, почему же она не спрашивает ничего у меня? То ли потому, что считает себя моей девушкой, то ли потому, что её совсем не интересует то, что я отвечу. Мне отчего-то хотелось сказать что-нибудь резкое, чтобы разрушить это глупое веселье, но я только окончательно замкнулся и почти всё время до вечера молчал. Иногда Женя подходила ко мне и, глядя на моё подавленное настроение, взволнованно спрашивала:

— Ну, ты чего?

Я бессильно улыбался — всё хорошо, и ей опять становилось весело...

Помню ещё, как вечером шли по перрону, когда я провожал Женю на поезд. Ещё не начинало темнеть, но уже стало холодно, и мне казалось, что теперь никогда уже не быть нам такими счастливыми, как раньше. Но внутри ещё теплилась отчаянная надежда, что я чего-то не понимаю, что вот сейчас вот случится что-нибудь, что всё перевернёт и чудесным образом исправит и сегодняшний день, и эти последние несколько месяцев, но ничего не происходило.

Проводница не хотела пускать меня в вагон, потому что оставалось совсем немного времени до отправления, но я всё-таки втиснулся в узкий проём. Мы встали друг напротив друга, ощущая напряжённую важность момента. Тогда я неожиданно решился поцеловать её, но Женя неловко и как-то испуганно отстранилась.

— Я же болею, — сказала виновато, а я залился краской оттого, как же нелепо и стыдно всё это вышло.

— Прости меня, — сказал самое главное, что было на душе.

Ещё несколько секунд мы стояли так. Я боялся взглянуть ей в лицо и видел только сжатые в замок руки. А потом шёл по перрону назад, а рядом неотвратимо тянулись окна отходящего поезда, а за ними мелькали равнодушные чужие лица...

Пока я ехал в метро, в воздухе потемнело окончательно. Вокруг выхода к пригородным поездам скучились киоски, мигая тусклыми огоньками. Я на минуту остановился у кассы, чтобы купить билет, и вышел на платформу. То здесь, то там стояли редкие люди. Шёл холодный зимний дождь, на коже мгновенно превращаясь в мелкие назойливые льдинки. Пока Женя ещё была рядом, я как-то не осознавал до конца, что произошло, как будто одно её присутствие питало меня силами, а теперь совсем растерялся. Впереди высились три огромных здания, горевшие сотнями окон. Я вглядывался в эти окна и чувствовал себя таким одиноким, будто не знаю ни одного человека на свете. Неожиданно из-за поворота вылетела электричка, опоясанная гребнем вырывающейся из-под колёс мёрзлой воды. А я только растерянно смотрел, как она со скрежетом останавливается передо мной...

Когда я вернулся в общежитие, уже стемнело, но ребят не было дома. Я вошёл в комнату и вдруг увидел, что на бледном квадрате окна чёрным пятнышком виднеется сушившееся на форточке полотенце. Я понял, что это Женино, и сердце моё сжалось. Мне показалось, что это какой-то знак, что, может быть, она нарочно забыла его здесь.

Я лёг на кровать и обхватил голову руками. Стучали по жестяному карнизу редкие, но настойчивые капли дождя, так что я никак не мог успокоиться, ощущая этот твёрдый стук телом, как дрожание больного нерва. Темнота надвинулась со всех сторон. Я оглядывался, пытаюсь рассмотреть хоть что-то, но отовсюду виднелись только очертания неподвижных предметов. Тогда осторожно, содрогаясь от какого-то благоговейного страха, я прошептал: “Господи...” — и звук моего голоса замер в пустоте. Я помедлил несколько мгновений, дожидаясь, пока он растворится совсем, и тогда стал произносить следующие слова. “Помоги мне, Господи... дай нам быть вместе... дай мне понять, что делать, как себя вести...” — повторял я ещё и ещё, как заклинание, ощущая, как постепенно очаровывает меня эта мрачная ожесточённая молитва. “Она будет со мной... я всё сделаю для этого... только помоги мне...”

Я нарочно повышал голос, произнося эти слова яростнее, с напором — они показались мне вдруг такими сильными, что и сам я как будто стал сильнее вместе с ними. И оттого какое-то странное спокойствие неожиданно опустилось на дно моей души. Тело стало тяжелее, будто пропиталось горячим оловом, глаза сомкнулись, и я провалился в сон.

5

В конце февраля похолодало, начался пост, а с ним — особенно странное для меня время. Я почти ничего не ел, только порцию картошки в студенческой столовой на обед и варёные овощи на ужин. Не разрешал себе слушать музыку, думать о чём-нибудь приятном. Но и этого казалось мне мало, и тогда я решил читать Часы, как делали подвижники в монастырях, и каждые три часа спускался под чёрную лестницу, чтобы проговорить нужные молитвы. Я не мог пропустить ни одного раза, мне казалось, так я на последнем волоске удерживаю нашу с Женей любовь и, если я остановлюсь, то всё мгновенно разрушится. Мы по-прежнему не брались за руки, когда шли вместе, и ни разу больше я не пытался поцеловать её и даже не заговорил о том, что случилось на вокзале.

Но чем сложнее становились наши отношения, тем острее я ощущал жажду быть с ней. Самым радостным для меня оказывалось предвкушение встречи, когда я ещё ехал в метро и мог мечтать, что уже через полчаса мы увидимся. По дороге к её общежитию я почти бежал, ощущая какое-то неистовое волнение внутри. А потом замечал маленькую фигурку у входа, делал последние шаги навстречу.

— Давай сегодня на каток, я уже договорилась с Сеней, Герой и Славой, — говорила Женя, и что-то падало у меня внутри...

На каток мы ходили в огромный парк с множеством ледяных дорожек. На главной аллее было столько людей, что рябило в глазах от разноцветных курток, проносившихся то в одну, то в другую сторону. Иногда я отставал от всех и терялся, и тогда в мельтешащей толпе мне странным образом представлялось, что я вижу Женю, которая едет, держась за руку со Святославом Александровичем. Я устремлялся за ними, сворачивая на какие-то потайные тропинки, пытаюсь догнать их, и только через несколько минут наткнулся на всю компанию — вчетвером они стояли, сгрудившись у края главной аллеи, и оживлённо что-то обсуждали.

— Ты где был? Мы тебя искали, — взволнованно говорила Жёня, но мне казалось, что она нарочно отводит глаза.

Когда мы оставались наедине, я пытался объяснить ей, что больше не пойду на каток, что идёт пост и нужно быть сосредоточенным. Она обижалась и, задышавшись, отвечала, что каток очень важен для неё, что это спорт, а ей обязательно нужно заниматься спортом.

— Но мы постоянно веселимся там, — спорил я.

— Да, — соглашалась она, не сдаваясь, — но веселье — это такое приятное дополнение к спорту!

И во время любого такого разговора, любой нашей ссоры, я думал: “Это Бог, это опять Он ведёт меня к чему-то...” Я пытался понять, что же я на этот раз сделал не так, чтобы собраться с силами и исправить это. Но потом мой порыв неожиданно гас, и тогда я мог несколько дней проходить в подавленном состоянии, ничего не желая и не чувствуя.

Хорошо помню ещё, как недели за две до Пасхи, когда я уже обессиленно окончательно, Жёня должна была опять приехать к нам на выходные. Я ждал её с той безумной тревогой и одновременно с тем страстным желанием, которые теперь не покидали меня при мысли о ней. Наконец, не в силах больше изводить себя ожиданием, я вышел из общежития и направился в берёзовую рощу, находившуюся неподалёку от студгородка, за железнодорожными путями.

Рано стемнело, и в потускневшем мире голые, будто обутленные деревья медленно качали ветвями. Кое-где ещё свисали с кустов сморщенные ягоды, а под ногами хрустели вмёрзшие в землю листья. Я осторожно делал каждый шаг, не понимая и боясь этого глухого зимнего оцепенения. И казалось, что вот ещё недавно, всего несколько месяцев назад, я бродил по улицам родного города, мечтал о нашей встрече с Женей, и всё вокруг жило, а теперь поблекло и потеряло красоту и свежесть. Я с грустью вспоминал все свои тогдашние восторги и молитвы, я ведь и не знал тогда, что духовная жизнь — это дикая боль в душе, страдание каждый день, преодоление этого жгучего страдания...

Было холодно, но мне ни за что не хотелось возвращаться. В то же время я чувствовал бесконечное одиночество, а как раз сейчас мне так хотелось бы рассказать кому-нибудь, каким невыносимым стало моё существование, как тяжело даётся мне этот пост, как я читаю Часы под чёрной лестницей, но даже это не помогает мне удержать Женю рядом. И о том, как же страшно разочаровываться во всех этих прописных истинах, и одновременно о том, сколько мужества нужно, чтобы, утратив все иллюзии, продолжать тащить себя каждый день на молитву... Но я мог только глухо шептать что-то в промороженный воздух, где слова мои мгновенно гасли.

Вернувшись в общежитие, я не стал подниматься в комнату, а сразу прошёл под чёрную лестницу — читать нужный Час. Я вытащил из щели в полу тоненький молитвослов, в угол на выступ бетонной плиты поставил иконку, стараясь приблизиться к ней вплотную, чтобы меня не было заметно с пролёта второго этажа. Помню, косая тень проходила по стене и по полу, пересекая мои руки, тело, страницу молитвослова, который я держал в руках. Иногда кто-то спускался надо мной, и тогда я замирал, пережидая гулкие шаги, наполняющие моё тайное укрытие.

Я шептал молитву торопливо, с яростью, стараясь отчётливо и резко произнести каждое слово. Но чем сильнее я разжигал себя, тем холоднее ста-

новилося внутри. Вдруг я подумал, что до конца жизни придётся мне вот так вот вставать на молитву, каждый день, без единого послабления, потому что даже если вдруг у нас с Женей всё мгновенно станет хорошо, всё равно никогда мне уже не забыть этого страха потерять её, этой беспрерывной тревоги, и уже нельзя будет остановиться, отдохнуть — и тогда мне стало так тоскливо и одиноко.

Я не поддался этой проклятой тоске и продолжал читать изо всех сил, только уже не вникая в смысл, а скользя глазами по чёрным буквам. Потом закончил, захлопнул книгу и постоял так немного, ожидая. Но ничего не чувствовалось в спёртом подвальном воздухе, хотелось просто упасть на кровать и больше не думать ни о чём. Я положил книгу и иконку обратно в потайное место в полу и медленно зашагал вверх по лестнице.

Ещё в коридоре я услышал пронзительный Женин смех сквозь дверь нашей комнаты и на секунду остановился, будто собираясь с силами.

Они были вдвоём со Святославом Александровичем.

— Привет! — торопливо вскочила Женя, увидев меня. — Ты почему так долго? А я пораньше приехала, думала, ты тоже...

Я опустил на кровать и не глядел ни на неё, ни на Святослава Александровича. Женя села рядом, думая, что я просто устал, и начала рассказывать о чём-то, но я слышал только тот самый монотонный гул у себя в голове. Я попытался взять себя в руки, даже ещё раз прочитать какую-нибудь коротенькую молитву, но всё это было так искусственно. “Нам надо расстаться”, — неожиданно подумал я и вдруг испугался не столько этой мысли, сколько того, что так просто подумал об этом. Не сдаваться, биться, биться, убеждал я сам себя, я не отдам её, она будет только моей, но постепенно странное холодное оцепенение охватило меня целиком.

6

Всё оборвалось между нами в начале июня. Помню, у Жени подходила к концу вторая сессия, и в один из тех дней она попросила меня приехать. Я уже так привык к тому, что это я постоянно ищу встречи с ней, и потому удивился, что она зовёт меня сама. Последнее время мы почти не бывали вдвоём — в будни Жене нужно было готовиться к занятиям в университете, а каждые выходные она приезжала к нам в общежитие, но я уже смирился с этим, и иногда даже надолго уходил из комнаты гулять по студгородку или по берёзовой роще, когда она была там. Как машина, постепенно вязнущая в колее, но продолжающая ещё ехать, длились наши странные отношения...

Погода в тот вечер стояла тёплая, повсюду летал тополиный пух, что-то шуршало в густой листве — и всё это было так легко, так настойчиво беззаботно, будто пыталось убедить меня начать жить с чистого листа, не спрашивая, хочу я этого или нет. Женя встречала меня у метро. Мы пошли рядом.

— Знаешь, таким сложным был этот год, — произнесла Женя порывисто, — мне так тяжело, особенно в последнее время...

Я слушал эти чистосердечные слова, смотрел в её взволнованное лицо, и мне хотелось думать, что это не всё, что есть ещё какая-то надежда. В то же время я уже так хорошо знал её, что не мог не понимать, что её что-то тревожит, и потому она позвала меня. Мы больше не разговаривали о мелочах, как бы отдыхая от этой её внезапной искренности, и просто шли в тишине, но эта тревога и предчувствие будущего серьёзного разговора ощущались во всём.

Миновали охрану. Поднимались в наполненном лифте, а вокруг, как замороженные, стояли другие люди и молчали, и мы молчали вместе с ними, но оба чувствовали, что впереди ещё будет что-то важное.

Когда мы вошли в Женину комнату, там было темно, и только мягким светом горела лампа над её кроватью, которую она отчего-то не выключила, уходя встречать меня. За краем светлого полукруга я различал её вещи на столе и на полках: расчёску, тюбик с кремом, аккуратно сложенное полотенце, листы, исписанные мелкими буквами, несколько книг.

— Проходи, соседки будут только вечером, — сказала Женя, и я поспешно шагнул вперёд.

Я помнил, как мы часто сидели здесь в начале учебного года, готовясь к её занятиям в университете, как засиживались допоздна, и уже пора было уходить, а нам всё не хотелось расставаться. И только когда настойчиво стучались в дверь охранники, обходящие комнаты с задержавшимися гостями, я торопливо выходил в коридор, и мы коротко и нежно прощались.

Всё было почти так же, как тогда. А на покрывале, где у изголовья притаился бугорок от подушки, ровная поверхность была чуть примята, и я глядел на эту вмятину, представляя, как Женя случайно положила туда голову, ненароком оставив этот живой след для меня.

— Знаешь, я решила исповедоваться, — вдруг сказала Женя, — но я ведь никогда этого не делала и не знаю, что именно нужно говорить... А ты делал? Ты же иногда ходишь в церковь?

Её слова мгновенно обожгли меня, мне показалось странным, что она хочет в чём-то исповедоваться. Я подумал, что это связано с какими-нибудь отношениями, о которых я ничего не знаю, и от этой мысли жгучая ревность мгновенно поднялась во мне.

— А почему ты решила? Есть какие-то причины? — как-то поспешно и резко выговорил я. — Ведь если это мучает тебя, значит, это нельзя держать в себе, — продолжал уже мягче, но даже одной первой фразы, кажется, хватило Жене, чтобы понять, что для меня этот её разговор об исповеди — только повод выспросить что-то. Она отстранилась, лицо её замерло, брови сдвинулись, будто о чём-то задумалась.

— Ну, в общем, нужно прийти в церковь и рассказать священнику всё, что тебя тяготит. Сам я делал это только один раз, поэтому не могу посоветовать ничего конкретного... — всё ещё пытался исправить я, но было уже поздно.

Женя кивнула, но по-прежнему сосредоточенно молчала. Я замолчал тоже.

Каким-то подсознательным чутьём я даже понимал, что ещё можно спросить обо всём прямо, объяснить ей, что для меня это важно, что я могу знать, в конце концов, потому что люблю её, но боялся произносить эти честные слова. Мне нужно было понять всё как-то невзначай, чтобы она ничего не заподозрила. И теперь, когда это уже не удалось, никак нельзя было подступиться к ней...

Не знаю, сколько продолжалось это наше молчание, но вдруг в дверь постучали. Женя поспешно пошла открывать. Это была подруга, они разговаривали на пороге, и, кажется, та куда-то звала. Я знал, что Женя не может просто так уйти и оставить меня здесь одного, но в то же время чувствовал, что ей хочется уйти, чтобы не находиться в тягостной обстановке недосказанности, которая установилась теперь между нами.

— Я минут на десять, — виновато и вопросительно сказала она. — Побудешь здесь, ладно?

А я даже слишком горячо ответил, что всё хорошо, конечно, побуду...

Когда она ушла, я сел в кресло, откинувшись на спинку. По-прежнему мягко горела лампа над её кроватью, и тарелки, чашки, чайник отбрасывали густые, тёмные тени на столе. Я пытался успокоиться, сжал руки в кулаки, чтобы, когда войдёт Женя, ни одним движением не показать ей, что что-то не так, но у меня не получалось. Тогда я встал, распахнул окно и долго стоял, вдыхая тяжёлый предгрозово-воздух. Где-то там внизу, под окном, был виден неестественно огромный и круглый купол того холодного собора, в который мы ходили с Женей зимой, после её первой сессии.

И вдруг мне так противно стало находиться в этой комнате, ждать её, переживать, как всё сложится, так что захотелось просто уйти, не встречаясь, и закончить это безумие. Но тогда мне надо было до конца проникнуть во все её тайны, довести свою ревность до предела, выжечь себя изнутри.

В этот момент я вдруг вспомнил, что она говорила мне, что ведёт дневник, и подумал, что он должен быть где-то здесь. Я понимал, что десять минут уже почти прошли, но всё-таки бросился к двери, закрыл её на ключ

и принялся рыться в тумбочке, в книжных полках, встал на кровать, чтобы дотянуться до самой верхней, и никак не мог найти. Но уже через минуту остановился и вдруг как бы увидел себя со стороны, взмыленного, ожесточённого, посреди этой маленькой комнаты. Ну, что за чушь, ради чего всё это, подумал я тотчас же, мне просто нравится распалать себя, воображать, а на самом деле я ведь уже ничего не чувствую. И мне вдруг так захотелось какого-то настоящего осязаемого чувства, бешеной любви, которая опрокинула бы меня, подчинила — захотелось живого страстного человека.

И теперь я уже не хотел бежать, наоборот, мне нужно было видеть Женю немедленно. Я чувствовал, как внутри меня забились огромная оса и принялась зудеть изо всех сил. И тогда вся эта возвышенность, высшее предназначение, моя безумная любовь — всё показалось мне жалким. Да, решил я, стереть все эти розовые сопли, здесь, сейчас, и тогда вы все можете сколько угодно смеяться вместе с ней, кататься на коньках, веселиться, но я всё равно уже буду бесконечно ближе...

Мгновенно я успокоился, стал собранным, жестоким. Для начала нужно было подготовить обстановку: я старательно зашторил окна и вновь поставил греться остывший чайник. Я стал воображать, как всё произойдёт, стал придумывать те слова, которые скажу, чтобы усыпить её бдительность, с какой настойчивостью буду повторять их нарочито ласковым голосом. Свечи были бы кстати здесь, но свечей не было, впрочем, мягкий свет лампы вполне подходил.

Вдруг я подумал, что Женя может захотеть включить верхний свет, и тогда дотянулся до плафона под потолком и начал быстро выкручивать лампочку, а потом, поняв, что это будет слишком заметно, несколько раз резко тряхнул её, чтобы порвалась внутренняя нить, и вкрутил обратно. Сел, ещё раз оглядел комнату.

Недовольно заворчал чайник на столе — теперь всё было готово, но Женя по-прежнему не приходила. Я опять сел в большое мягкое кресло у окна и, закрыв глаза, пытался хоть на несколько минут успокоиться, чтобы набраться сил. Но ничего не получалось, скорее, наоборот, волнение моё как бы ушло вглубь, изнурая меня непрерывной тягостной дрожью. Медленно тянулись минуты, и я со страхом замечал, как вместе с ними, также медленно, но неизбежно исчезает весь мой пыл.

Помню ещё, что буквально за минуту до её прихода, когда я в очередной раз пробудился от своего ожидания и подскочил к креслу, я вдруг заметил, что на покрывале на кровати, старательно поправленном мною, не хватает трогательной вмятины, которая так нравилась мне полчаса назад. Я испуганно подбежал к кровати и ткнул рукой в подушку. Мой след показался мне грубым, совсем не таким, как Женин, и это окончательно лишило меня всей моей жажды.

В этот момент раздался настойчивый стук, от неожиданности я подпрыгнул и бросился к двери. Как же я мог забыть, что так и не открыл её после того, как искал дневник... Женя вошла, и в маленькой комнате так неестественно прозвучал её удивлённый голос. Я же поразился, насколько чужой она стала для меня за эти полчаса. Я торопливо сказал что-то несуразное, соврал, что мне пора, и выскочил в коридор.

— Я провожу тебя, — поспешно сказала она, выходя вслед за мной.

Вокруг было тихо, только недовольно скрипела длинная лампа под потолком, а в оконных рамах между стёкол гудел ветер. На полу замерли чьи-то мокрые следы, на подоконнике у лифта лежали два крошечных окурка. За окном шёл дождь, ударяя по тонким макушкам деревьев, а вдалеке чёрным пятном виднелся глухой каменный собор. Мы шли, а я думал, что это опять Бог, что Он нарочно хочет задеть меня сильнее, заставить исправиться или что там ещё. Но я больше ничего не чувствовал, мне было всё равно. И что ты сделаешь теперь, с горечью усмехнулся я над Ним.

— Ты торопишься? Может, постоим немного? — предложила Женя, когда мы подошли к дверям.

— Давай, — ответил я машинально.

На улице было свежо. Мы медленно двинулись вдоль здания, не выходя из-под широкого навеса. Под навесом стояли и другие пары, а неподалёку от входа сгрудилась весёлая компания. Тогда мы поднялись по одной из каменных лестниц, находившейся справа от входа, чтобы нам не мешали остальные.

— Необычно, — заметила Жёня, когда мы остановились на самом верхнем пролёте, почти под самым козырьком, с которого лилась вода. Было слышно, как дождь стучит по козырьку. Я слушал этот стук, и мне показалось вдруг, что я буду слышать его теперь постоянно, что он будет преследовать меня и не прекратится никогда. Хотелось зажать уши, избавиться от этого назойливого стука...

— Я хотел ещё с тобой поговорить кое о чём, и это серьёзно, — выговорил я решительно, хотя ещё минуту назад ничего такого не хотел.

— Может, не надо сегодня? — спросила она вдруг. Это поразило меня — она как будто чувствовала моё состояние, но я поспешно закачал головой:

— Нет, надо.

И тогда я начал говорить, и теперь уже не могу вспомнить, что это были за слова. Наверно, что-то ужасно жестокое, потому что мне очень хотелось сделать ей больно, отомстить за весь этот год, за все мои мучения и тревоги. Я говорил, не думая, и только чувствовал, как с каждым словом разрывается связь между нами. Жёня смотрела в меня застывшим невидящим взглядом.

Наконец, она зажмурилась и едва слышно произнесла:

— Я не понимаю...

— Нам надо перестать общаться, — выдохнул тогда я. — То есть перестать совсем и никогда больше не встречаться.

— Тебе понравилась другая девушка? — спросила она неожиданно, и я почувствовал, как всё содрогнулось у меня внутри от этого странного вопроса. Я удивился: неужели же всё это время она понимала, что я её люблю, но почему же никогда не говорила мне об этом? И что значил этот вопрос теперь...

— Нет, нет, — выговорил я мягче. — Но я знаю, что тебе нужен не я, ты столько раз говорила, что хочешь видеть рядом с собой сильного человека, который не колеблется от любой мелочи... — обида вновь захлестнула меня, а голос сорвался.

Слова внутри будто закончились, и теперь уже само моё молчание говорило сильнее и грубее, чем это делал я несколько минут назад.

Помню, нас окликнули, внизу стояли охранники, кажется, на эту лестницу нельзя было подниматься. Мы медленно пошли вниз, и так странно было, что для этих охранников мы по-прежнему парень и девушка, которых они столько раз видели здесь, у входа, за последний год, и что внешне ещё нет того страшного разлома, который мы оба уже ощущаем.

На последней ступеньке мы остановились, не зная, что же делать дальше. Ещё минуту я стоял и смотрел на неё, будто ожидая, что она сейчас скажет что-то ещё, но потом вдруг понял, что мне уже нельзя быть здесь и что чем дольше длится это наше молчаливое стояние, тем мучительнее переживёт его она. Я сказал, что пойду, она кивнула, и я двинулся прочь, стараясь скорее скрыться от её взгляда, но время всё равно тянулось так медленно. Поворачивая к метро, я ещё раз взглянул на неё — Жёня неподвижно стояла у входа.

Но когда её фигурка уже скрылась за каменным зданием общежития, я вдруг почувствовал такую боль, будто меня исполосовали ножом по всему телу. Я никуда не мог деться от этой боли, задыхался от неё, я чувствовал, что пройдёт час, день, месяц, но боль не ослабеет.

Я ехал обратно в метро, прислонившись головой к стальной стене вагона, и чувствовал, как в такт её дрожанию бьется во мне скопившееся напряжение. Я старался не глядеть вокруг, только в окно, но на поверхности стекла отражались сидевшие напротив люди, и мне постоянно казалось, что они на меня смотрят. Помню, по полу каталась пробка от бутылки газированной

воды, то проносясь в конец вагона, то возвращаясь, то, наконец, замирая и нервно подрагивая на одном месте. Так и человек, подумал я вдруг, такой же слабый, в какую сторону качнётся, туда и катится, и ни в чём нельзя быть уверенным, когда говоришь о человеке.

7

Не знаю, как выразить словами то, что было потом. До сих пор мне казалось, что весь мой рассказ так естественно подведёт меня к этому событию, но теперь понимаю, что это не так. Естественным для меня было бы что угодно, только не то, что произошло...

Я был тогда в страшном унынии. Я не находил себе места, не мог ни о чём думать, ничего не хотел. Я вернулся в родной город, но и знакомые места не помогли мне справиться с моим состоянием. По ночам меня мучили приступы надрывного сострадания к самому себе. Кажется, я бродил по квартире, выходил на балкон, смотрел в темноту, но возможно, всё было и не так. На самом деле я почти ничего не помню — только мрак и отчаяние внутри. Я понимал, что дело уже было не только в Жёне, которую я навсегда потерял, я не мог жить дальше и не мог понять, что же мне делать. Я пытался молиться, вставал на колени, но чувствовал только отторжение от того нарисованного Бога, который смотрел на меня с тёмной деревянной доски. Я хотел освободиться от мыслей о нём, от его непрерывного гнёта, но не мог. Я уже так привык слышать свои мысли с его существованием, с тем, что якобы было правильно и важно.

Я чувствовал тоску по обычной жизни, где всё идёт, как идёт, а не так, как нужно, где царит хаос, но все знают об этом. Где нет лицемерия, и никто ни во что не верит. И мне казалось, эта жизнь — вот она, здесь, нужно только стряхнуть с себя свои детские страхи и предрассудки. Но вместе с тем иногда, как волной, напала на меня почти безумная мысль о том, что Бог уже никогда не оставит меня в покое, не даст мне расслабиться и будет мучить меня до конца...

В один из тех дней я бесцельно бродил по городу. Улицы были пусты, лишь иногда встречались одинокие люди да бессмысленно меняли свой цвет светофоры на перекрёстках. Я рад был бы почувствовать что-то родное, погрузиться в приятные воспоминания, но город напоминал полую каменную коробку. Я шёл по ней в гулкой тишине, странный чужой человек, среди неподвижных домов, застывших машин на обочинах. Свернул в городской парк, но даже его длинные аллеи, вымощенные белым кирпичом, показались мне ненастоящими. По краям лежали высохшие кучи давно скошенной травы.

Когда я вышел из парка, то машинально зашагал вверх по улице. Вскоре с двух сторон показался подступающий к городу лес, и только впереди ещё виднелся последний жилой квартал, вклинившийся в зелёную преграду. Я вспомнил, что часто бродил здесь, когда учился в школе, но не успел ещё понять почему, как передо мной возник огромный девятиэтажный дом. Я подошёл к нему вплотную, растерянно оглядывая его крупное каменное тело. Но даже показная новизна крашеного фасада не могла обмануть меня — это был тот самый дом, где жила когда-то Саша, где нашли её тело, упавшее из окна. Тот самый, к которому я столько раз приходил после Сашиной смерти и подолгу стоял, глядя в окна их квартиры, содрогаясь от каждого случайного отблеска, попавшего туда.

Я бросился в подъезд, поднялся на девятый этаж и распахнул деревянную раму. Уж не знаю, зачем мне это нужно было, может быть, чтобы испытать, самому посмотреть вниз. Но, перегнувшись через подоконник, я не почувствовал ничего. Уходили к реке неровные линии белых крыш, как игрушечные, стояли на дороге машины. Я разозлился, что было так красиво и несколько не страшно. И даже когда я уже спускался по лестнице и ждал, что вот сейчас вот я должен ощутить хотя бы запоздалый страх оттого, как легко я на самом деле мог бы прыгнуть сейчас вниз, но и этого страха не было...

А потом, на другой стороне улицы я увидел девушку, со спины показавшуюся мне похожей на Жёну, и бросился вслед за ней. Меня вдруг охватила

болезненная радость: а вдруг это на самом деле Жёня?.. Мне отчего-то представлялось, что она приехала в город тайно, но идёт не ко мне, а к кому-то другому, и сейчас я прослежу за ней и уличу, наконец, во всём. Мне хотелось посмотреть, как она станет хитрить и извиваться, когда увидит меня, как станет врать, а я буду молча слушать её и не произнесу ни слова... Бог знает, какие мысли билась тогда у меня в голове!

Мы шли медленно, она впереди, я поодаль, и в этой нашей странной процессии было что-то торжественное и нелепое одновременно. Помню, на шее у девушки был повязан зелёный платок, и она изредка поправляла его рукой. А я впивался взглядом в её фигуру, боясь упустить из виду хоть на секунду.

Но когда она повернула к церкви, мне вдруг стало так противно и горько. Казалось, это всё нарочно подстроено, будто в насмешку надо мной. Девушка остановилась у ворот, а я торопливо прошёл мимо неё за ограду, чтобы не выглядеть глупо.

Церковный двор был пуст. Слева, у входа, лежали стройматериалы: деревянный брус, кирпичи — в церкви шёл ремонт, а ближайшая стена была вымазана штукатуркой. Где-то справа, за церковью, работали строители, и даже здесь слышны были их голоса. У стены с длинными узкими оконцами стояла огромная цистерна. Бензин они здесь что ли разливают, машинально удивился я.

Я уже не мог теперь повернуть назад, мне надо было дойти до конца, чтобы раз и навсегда убедиться, что всё это только груда камней и ничего больше. Я подошёл к крыльцу, поднялся по грязным ступеням, со следами чьих-то огромных сапог, но не стал приближаться к двери, а нарочно упал на колени, прямо в грязь, будто показывая: вот как я могу, посмотри, если уж так хочется... Но опять ничего не изменилось, я видел только лестницу, чувствовал, как стали мокрыми штаны в коленях, впитав в себя серую жижу. Тогда я встал, со злостью рванул на себя дверь, но она не открылась. И вот это, кажется, окончательно взбесило меня — мне захотелось изо всех сил ударить в неё, сокрушить всё вокруг. Я уже не понимал, как я мог плюнуть на такую детскую приманку и прийти сюда, я сбежал по лестнице и двинулся к воротам, ожесточённо делая каждый шаг, будто хотел продать землю рядом с храмом.

Через церковный двор наискосок мимо меня шла та самая девушка в платке.

— Закрыта церковь, — сказал я ей громко, чувствуя какое-то особенное удовольствие от грубости своих слов. — Иди, иди!

На секунду увидел её миловидное лицо, карие глаза, совершенно не похожие на Женины. Она замерла и неловко огляделась, будто не понимая, кто это к ней обращается.

— Как же закрыта, вон, служба идёт, — проговорила себе под нос, и тогда я заметил, что она направляется к храму с другой стороны. Там, оказывается, были ещё двери, а те, к которым подходил я, видимо, закрыли из-за ремонта.

Я вошёл внутрь следом за ней, машинально повторяя все её движения. Девушка прошла куда-то вглубь, а я остался стоять у входа, оглядываясь и сминая пальцы в руках. Было темно, передо мной сгрудились несколько маленьких старушек, похожих друг на друга, будто слепленных из одного теста, сверху пел хор, откуда-то издалека доносился голос священника, неразборчиво читающий молитву. Всё это было так знакомо, ничего необычного, та же обстановка, которую я помнил с детства. Может, только какая-то ностальгическая грусть могла бы закраситься мне в сердце, да и той не было. И странным казалось, что когда-то эта обстановка производила на меня такое сильное впечатление, что могла даже влиять на мои мысли. Теперь я всё видел отчётливо, не обманываясь и не придумывая ничего.

Но в то же время с первых же секунд, как только я вошёл, какая-то неясная тревога охватила меня, будто на самом деле что-то было не так. Я пытался прислушаться к себе, но никак не мог объяснить это странное изменение, пока вдруг так отчётливо не осознал, что в этой церкви, кроме священника,

хора, старушек и меня есть кто-то ещё. Я стоял, ощущая его присутствие в окружающей меня темноте, и с каждым мгновением всё яснее мне становилось, что это Он. А когда я понял это до конца, неожиданный животный страх прошиб меня насквозь, так что я не мог вынести ни секунды и бросился прочь.

Помню, в ужасе стоял на крыльце и пытался отдышаться. Вокруг был тот же мир, я слышал шум проезжающего трамвая, слышал, как где-то шелестят ветви на деревьях, голоса рабочих, доносившиеся из-за церкви, — мир жил своей обычной жизнью, призрак рассеялся, но я-то знал, что там, внутри, Он по-прежнему есть. Тогда я почувствовал, как мне хочется опять ощутить Его присутствие, как мне больно и невозможно стоять сейчас здесь, на крыльце, и как тянет меня обратно...

Я глубоко вдохнул и медленно, боязливо опять вошёл внутрь.

Тихо, тихо дрожал воздух в маленькой церковной зале. Всё было натянуто, напряжено. Я стоял в самом центре перед большой белой колонной и смотрел, как от движения чьих-то рук тонкие тени скользят по ней. Я не понимал точно, где именно находится Он, то ли сзади, то ли сбоку, но чувствовал на себе Его взгляд. Я хотел было перекреститься для Него, встать на колени и поклониться, но так страшно и удивительно было Его присутствие, что я боялся пошевелиться.

А потом я закрыл глаза, и сразу как-то по-иному стало вокруг, будто я больше увидел, будто сама церковь вдруг расширилась. Где-то в глубине рождались гулкие басовые звуки, а потом возносились вверх, а там уже всё звенело, натягиваясь, наполняя пространство пронзительным напряжением. Это была уже не обычная служба, я понял, что все эти люди вокруг — и священник, и хор, и старушки — тоже видят и чувствуют Его, что ради Него они сейчас говорят и поют, не позволяя себе ни ошибиться, ни задержаться ни на секунду, чтобы не повредить ни единому такту этой удивительной службы.

Вдруг я услышал, как одна из старушек попыталась подхватить мелодию вместе с хором, но стала сбиваться, отставать, задыхаться, и тогда защемило сердце от жалости к ней. Ещё несколько раз она пыталась вступить, срывалась, но потом её надрывный голосок всё-таки влился в общий нарастающий хор и остановился в одной точке. Я стоял в щемящем состоянии, дышал спокойно, полной грудью, а тем временем что-то внутри меня постепенно ослаблялось, успокаивалось.

Потом в церкви гасили свет — женщина в белом платке ходила от подсвечника к подсвечнику, и становилось всё темнее и темнее, а вскоре всё погрузилось в мирный полумрак. От одной из затухенных свечей поднималась вверх белая полоска, похожая на шарф, развевающийся на ветру, и долго ещё тянулась, а потом вдруг оторвалась и мгновенно растворилась в густом воздухе.

А когда свет опять включили, такая радость вдруг пролилась в меня. Я чувствовал, что больше нет ни боли, ни метаний, что эта радость подхватывает, приподнимает, мне хотелось тоже запеть вместе со всеми, чтобы и мой голос навсегда остался здесь, в памяти этих стен, этих икон, в Его памяти. Я ещё немного постоял, а потом медленно двинулся к выходу. Не знаю — почему, но я точно знал, что Бог не только останется в церкви, но и пойдёт со мной...

Пока я был внутри, на улице прошёл дождь. По мощёной дороге текли тоненькие струйки, так что на каждом шагу я слышал, как едва хлюпают мои ботинки. Я двигался осторожно, ощущая, как воздух вокруг наполняется мягким послегрозовым теплом. В тишине коротко чиркнула птица, потом ещё раз, бережно, будто боясь нарушить это всемирное оцепенение. Медленно нарастал шум проезжающей мимо машины, вздрогнул рядом, и долго ещё угасал где-то позади. Я и сам чувствовал какую-то особенную бережность ко всему вокруг. Мне нравилось присматриваться к неожиданным мелочам: к смятому листу бумаги в траве, к осколкам бутылки. И даже в этом мусоре не было ничего плохого — всё было на своём месте в этом огромном мире, всё было освящено и омыто.

Впереди, между высотными домами, виднелся край зыбкого серого купола, слегка окрашенный алым — там умирал длинный летний день. А когда я прошёл ещё немного, огибая дома, то передо мной, наконец, раскинулась широкая поляна, а за ней — краешек леса. На опушке в ряд стояли двухэтажные коттеджи, справа едва виднелась тоненькая струйка автодороги, а над всем этим разливался горячий закат. Огромное небо было расколото надвое, и сквозь трещину в испуганно сбившихся к краям облаках бил яркий свет. Я стоял неподвижно, ощущая, как наполняет меня пронзительный восторг. А когда небо догорело, и только на крышах коттеджей ещё можно было различить неясные алые полосы, внутри у меня будто что-то переломилось. Господи, подумал я, что я наделал... Как же я мог так обидеть её, ни в чём не виноватую, как мог причинить ей боль... И за что же это ей, маленькой девочке, было стать жертвой моих метаний... А потом сел на холодную землю и слушал, как тихо стало в мире и как благоговейно шелестит трава, боясь расплескать сбережённые силы до начала нового дня, и было мне и горько, и благодарно за эту свою горечь.

8

Что же ещё рассказать мне... Всё, что произошло потом, будто бы вылилось из тех минут моей жизни. Закончились мои отчаянные неопитские восторги и страдания, и началось что-то более глубокое и важное, что я не вычерпал до сих пор...

Я мог бы рассказать, как проснулся на следующее утро от смутного волнения, что сейчас очнусь ото сна и потерю всё, что было вчера. Не открывая глаз, я прислушался и понял, что в сердце у меня тот же мир и та же тишина. Дома никого не было, мама и бабушка уже ушли в сад, как обычно. Но и мне было жалко находиться сейчас в квартире, хотелось бежать на улицу, взглянуть на тот мир, который окружал меня, но который я будто ещё никогда не видел. Я вышел из подъезда, и стоял взволнованный, и всё вокруг было пропитано для меня светом и радостью. Я смотрел вокруг и думал: “Вот мои родные места, здесь прошло моё детство, здесь произошло обновление моей жизни, и как же я рад им...”

Я мог бы рассказать, как жил следующие два летних месяца и как по ночам мне всё снился неясный образ, будто бы девушка стоит в ярком солнечном блике, улыбаясь испуганно и немного грустно, и я не знал, то ли это маленькая Саша, то ли покинутая Женя. Я просыпался от пронзительного тревожного чувства, подходил к окну и смотрел на сонный город. Мне казалось, что в этом ясном утреннем мире так много искренних молодых людей, открывающих мир, других, Бога, разлитого в прозрачном воздухе, но в то же время такую невероятную боль причиняющих себе и друг другу. Мне хотелось сказать им что-то простое, но невероятно сильное, чтобы они разом поняли всё, но я не мог найти слов и знал, что они меня не услышат. И тогда меня пронзала вдруг неясная тоска по своему детству, по ярким переживаниям, по той мудрости, которой у меня не было тогда, и возможно нет и сейчас...

Я мог бы ещё рассказать, как за несколько дней до моего возвращения в Москву, гуляя по городу, вдруг встретил длинную похоронную процессию, выходящую из двора на улицу. Было много людей, шедших в монотонной тишине, и я невольно пристроился в конец. Я шёл рядом с ними, ощущая, как больно было этим людям. Я молился за этого человека, за других и чувствовал какое-то странное умиротворение вечности. В этот момент я точно знал, что я только форма, только сосуд, в который по капле собирают влагу, но потом, когда жидкость загустеет, станет твёрдой, сосуд разобьют, и никто не будет жалеть его. Я шёл рядом с этими людьми, взглядываясь в гроб, поднятый над головами, и чувствовал, что когда-то вот так же разобьют и меня...

Ясно помню и ещё один день того лета. В конце августа мы с соседями устраивали пикник неподалёку от общежития за железнодорожными путями. Святослав Александрович и я рубили дрова на краю берёзовой рощи, и оба

чувствовали какое-то радостное удовольствие от того, как разламывается сухое дерево. И хотя дров уже было достаточно, продолжали складывать новые и новые поленья в груды под ногами. Изредка ещё мы останавливались и, смахивая пот, глядели друг на друга и посмеивались своей усталости. А позади Гера старательно разводил костёр.

Вскоре должна была приехать Женя, а Сеня уже пошёл встречать её с электрички. С того дня, как я оставил Женю на пороге её общежития, мы ни разу не позвонили и не написали друг другу, и теперь я боялся нашей новой встречи. Я понимал, что всё уже потеряно для меня и даже не думал о своей любви к ней и наших отношениях, но всё равно было тревожно, как всё пройдёт сегодня.

И вот на тропинке вдалеке показались две маленькие фигурки. Я напряжённо наблюдал, как они приближаются, и, наконец, не в силах побороть неожиданный стыд, торопливо зашагал вглубь леса. Скажу, что не видел, как они подходили, лихорадочно думал я, пробираясь сквозь деревья и кусты, стремясь зайти как можно дальше. Выбрался из зарослей на железнодорожные пути, поднялся по насыпи и сел на крупные белые камни, покрытые коричневой копотью, неподалёку от рельсов.

На душе было спокойно, и таким странным это казалось после двух месяцев умиротворенного состояния. Мне отчаянно не хотелось возвращаться к костру, и, наверно, я непременно ушёл бы, если бы не понимал, что меня хватятся.

Показался вдалеке приближающийся состав. Я поднялся и стоял, пережидая, пока он с грохотом пронесётся мимо, обдувая моё лицо кислым и густым потоком. А когда он промчался, осторожно сделал шаг на рельсы и долго глядел ему вслед. Я подумал, что вся моя жизнь шла к одному только мгновению в церкви два месяца назад, но вот это мгновение осталось в прошлом, и теперь я стою и провожаю его взглядом, как ушедший поезд. Я больше не ощущал Бога рядом, не чувствовал ни недавней свежести, ни лёгкости, один лишь кислый запах мазута, и не знал, что же теперь делать. Я понимал, что должен был измениться, но не замечал внутри этого изменения, только прежнюю пустоту и даже безразличие.

Я поднялся и медленно стал продираться назад, не зная, как же мне вести себя сейчас, что говорить. Наконец, послышались неясные звуки и чьё-то голоса. Вроде бы это Сеня кричал что-то про дрова, а Святослав Александрович раскатисто смеялся.

В лицо ударила случайная непослушная ветка, и пришлось на секунду остановиться. Я отдышался, машинально хватая пальцами окружающие меня стебли. Потом сделал ещё несколько шагов, и в этот момент мне показалось, что я услышал жалобный и вопросительный голос Жени.

И в этот момент сердце моё дрогнуло...